

Однако сегодня матушки там не было. Я на цыпочках прокралась в соседнюю комнату и, прильнув лицом к ширме, заглянула внутрь. В полумраке я разглядела отца, восседающего на троне. Он сидел, склонившись, одной рукой прижимая ко лбу пальцы, будто безостановочно мял виски. Рядом с ним сидела матушка: одна её рука лежала на его плече, другая — сжимала его ладонь. Перед ними стояло множество людей. Самый первый, судя по голосу, разносившемуся по залу, был мой старший брат, наследный принц Ли Шэн: «...нельзя действовать опрометчиво и недооценивать врага».

Эти слова стали последними, что я от него услышала. После них в зале на долгое время воцарилась тишина. Сквозь узорчатую ширму я увидела, как матушка отпустила руку отца, медленно перенесла свою на подлокотник трона и принялась ритмично постукивать по нему двумя пальцами. Спустя некоторое время она поднялась, неспешно спустилась вниз и, остановившись перед Ли Шэном, твёрдо произнесла: «Шэн, я разочарована».

Один из сановников сделал шаг вперёд, желая что-то сказать, но матушка резким взмахом руки остановила его. Она обернулась к трону и, отчеканивая каждое слово, промолвила: «Ваше Величество, с момента основания нашей великой Тан никогда ещё родная дочь императора не выходила замуж за правителя вассального государства. Если этот прецедент будет создан с Тайпин, я умоляю лишить меня сана и позволить удалиться в глушь с малолетними детьми, дабы никогда более не являться ко двору».

Мне показалось, будто чья-то невидимая рука сжала мне горло, не давая вздохнуть. Узоры на ширме поплыли перед глазами, в ушах зазвучали словно вопли тысяч демонов. Ноги подкосились, и я стала заваливаться назад, но чьи-то руки меня подхватили. Кто-то тихо прошептал на ухо: «Не тревожьтесь, принцесса, Его Величество не отправит вас в Туфань». Обернувшись, я с трудом разглядела лицо — то возникающее, то тонущее в темноте. То была Шангуань Ваньэр в обычном одеянии женщины-чиновника.

Ваньэр не удержала меня как следует, я всё же отшатнулась назад, задев ногой кресло. Раздался глухой стук. После слов матушки в зале стояла гробовая тишина, потому мой шум прозвучал особенно резко. Даже если остальные не слышали, отец — наверняка. Однако он не обернулся, лишь выпрямился и окинул взглядом собравшихся сановников. Каждое лицо мне было смутно знакомо — значит, это были члены императорского совета. Обычно во время аудиенций им не приходилось стоять, но сейчас все они замерли внизу. Взгляд отца скользнул по ним, и они невольно выпрямили спины, почтительно склонив головы. Мой всегда мягкий и добрый отец сейчас выглядел необычайно суровым, его величие, казалось, затмевало даже матушку. Таким я его никогда не видела. Хотя я и напоминала себе, что нахожусь в императорской семье, а мои приёмные родители — император и императрица, столь отличные от моих простых родителей из прошлой жизни, в повседневности я часто забывала об этой пропасти. Особенно когда дело касалось отца.

Исторические хроники моей прошлой жизни часто живописали мужа императрицы У, Гао-цзуна, как слабого и нерешительного правителя. Мой отец, конечно, не был столь бесхребетным, как его несуществующий кузен, но и решительностью или воинской отвагой не отличался. По крайней мере, в моём присутствии.

Однако сейчас он был совершенно иным.

Его взгляд наконец остановился на Ли Шэне. Я, стоя сзади, не видела выражения его глаз, но услышала низкий, размеренный голос: «Императрица права. С тех пор как наша Тан обрела государственность, никогда ещё дочь императора не отдавали в жёны вассалу. Этот пример не может быть создан при Нас».

Он намеренно повернул голову к матушке, уголки его губ дрогнули, словно пытаюсь сложиться в улыбку. Затем он вновь посмотрел на Ли Шэна и с оттенком укора произнёс: «Тайпин — Наша дочь. Выдать её замуж в Туфань ради временного затишья — позор для Нас и позор для тебя, Шэн. О таком позоре не то что говорить — даже думать не подобает. Ты... понимаешь?»

Ли Шэн опустил голову, переминаясь с ноги на ногу, затем поднял взгляд и, сложив руки в поклоне, ответил: «Ваш слуга понимает».

Отец снова потер лоб и устало махнул рукой: «Если так, то война с Туфанем неминуема. Идите и обсудите, кого назначить главнокомандующим. Шэн, Жуй, оставайтесь».

Только тогда я заметила Ли Жую в зале — он стоял в самом хвосте, за спинами сановников. Услышав своё имя, он вышел вперёд.

Придворные начали неторопливо удаляться. Я видела, что отец, похоже, хочет поговорить с братьями с глазу на глаз, и заколебалась — уйти ли мне? Но Ванъэр сжала мою руку, давая знак остаться, и добавила шёпотом: «Наследный принц вовсе не предлагал выдать вас замуж. Он лишь хотел под предлогом переговоров о браке выиграть время. Как только будет собран урожай и войска пополнятся, договор расторгнут и двинут армию прямо на северо-запад».

Я не понимала, зачем она мне всё это объясняет — она не казалась человеком, любящим лишние слова. Но вопрос касался моей собственной судьбы, и я отбросила сомнения. Холодно взглянув на неё, я спросила: «А если что-то пойдёт не по плану?»

Ванъэр не ответила, лишь бросила взгляд на удаляющуюся матушку и тихо произнесла: «По закону и по справедливости принцессе не подобает держать зла на наследного принца».

Её прямота ошеломила меня, и я не нашлась, что ответить. К счастью, к тому времени все сановники уже покинули зал. Отец вернулся на трон, вздохнул и сказал: «Сыцзы, выйди и поприветствуй своего старшего брата».

Я нехотя вышла из-за ширмы, отказавшись кланяться, и бросилась в объятия отца, всхлипывая: «А-е!» Вспомнив, как за мгновение до этого мою судьбу едва не решили без моего ведома, я разрыдалась, слёзы залили отцовское плечо.

Отец обнял меня, мягко похлопывая по спине, и с улыбкой произнёс: «Ну, ну, твой брат руководствовался лишь заботой о государстве, он не хотел тебя обидеть. Будь умницей, Сыцзы, поздоровайся с братом. Он привёз тебе много забавных безделушек».

Отец мягко развернул меня в сторону Ли Шэна и подтолкнул в его направлении. После нескольких таких подталкиваний я наконец неохотно подошла к брату. Оказавшись перед ним, я подняла голову и встретилась с ним взглядом. Увидев меня, на его лице наконец мелькнуло раскаяние. Он сжал губы, протянул руку, чтобы погладить меня по голове, но я уклонилась. Его рука замерла в воздухе, а затем бессильно опустилась. Слегка склонив голову, он промолвил: «Туфаньцы напали на наши области Шань, Ко, Хэ, Фан и Дье, убивая и уводя в плен множество наших подданных. В областях На, Гуй, Гуан и Цянь подняли мятеж местные племена. В областях Син, Фэн и Минь ещё не добились остатков сторонников Цинь-вана. Сейчас действительно не лучшее время для большой войны. Я лишь хотел под предлогом мирных переговоров выиграть время... Ведь ты ещё так мала, Сыцзы...»

Я перебила его, язвительно спросив: «Брат, это что, оправдания? Если так, то ответь мне: если меня просватают за туфаньского правителя, а затем расторгнут обещание, не разозрит ли это Туфань и не спровоцирует ли полномасштабное вторжение на восток? Слово Сына Неба тверже

девяти треножников, но если мы намеренно пойдём на вероломство, где тогда будет достоинство государства? Разве можно начинать войну, не имея справедливого предложения? После сбора урожая наступит весенняя пахота — не станет ли тогда начало кампании затруднительным? А если эта несправедливая война, не дай бог, пойдёт неудачно, если мы не одержим победы... что тогда станется со мной? Думал ли ты обо всём этом, брат?»

Ли Шэн побледнел. Он уставился на меня, не произнося ни слова. Его глаза, как всегда, были прекрасны — влажные, словно у девушки. Его лицо тоже оставалось любимым мною: прямой нос, худощавые щёки, аккуратно подстриженные усы над губами.

Ли Шэн молчал. Молчала и я. Мы, брат и сестра, просто смотрели друг на друга, пока отец не кашлянул и не произнёс: «Тайпин, поклонись брату и можешь идти». Ли Шэн, казалось, с облегчением выдохнул, опустил голову и мягко пожурил: «Сыцзы, не упрямясь».

Если до этого я лишь обижалась, то теперь мною овладела настоящая ярость. Я уставилась на Ли Шэна, уже собираясь что-то сказать, как вдруг сзади раздался голос матушки: «Тайпин, поклонись наследному принцу».

Я вздрогнула, оглянулась на матушку, а затем, повернувшись обратно, опустила глаза и почтительно опустилась на колени, совершив церемониальный поклон, какой я редко делала даже перед родителями.

Ли Шэн вздохнул, отступил на шаг и, склонившись, протянул руку, чтобы помочь мне подняться.

<http://bllate.org/book/16278/1465956>